

© 1997 г., ЭО, № 2

В.А. Шнирельман

ЕВРАЗИЙСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (вместо ответа В.В. Карлову)*

Мне, право же, было забавно ознакомиться с реакцией на мою статью В.В. Карлова, который вполне в советско-партийном духе менторским тоном отчитывает «известного отечественного этнолога и культуролога» В.А. Шнирельмана за ряд «принципиальных ошибок» в трактовке евразийской идеологии. Самым любопытным в его отзыве мне представляется то, что он, похоже, знает евразийство только по одной единственной, пусть и программной, публикации Н.С. Трубецкого. Это ему представляется достаточным, для того чтобы пускаться в спор о евразийстве и упрекать меня в субъективной интерпретации отдельных евразийских идей. Мне же евразийство кажется достаточно серьезной проблемой, чтобы обсуждать ее без предварительной глубокой проработки первоисточников.

Впрочем, недостаточная осведомленность Карлова в данной проблематике, разумеется, не является его виной. Это, скорее, беда многих нынешних российских интеллектуалов, которые подхватили модную евразийскую фразеологию, но за неимением доступных первоисточников не смогли глубоко вникнуть в суть евразийских идей. В последние годы ситуация исправляется. Опубликовано уже несколько антологий основных евразийских работ¹ и вышло в свет значительное число статей, освещающих те или иные стороны классического евразийства. Все же этого недостаточно. Требуется глубокая монографическая проработка данной проблематики с учетом исторического контекста – как того, в котором творили евразийцы в 1920–1930-е годы, так и современного, который способствовал оживлению евразийских идей. Впрочем, и в зарубежной науке пока что существует лишь одна монография, посвященная евразийству².

Именно поэтому в данной статье мне бы хотелось вернуться к анализу идей классического евразийства, в особенности тех, которые касаются национального вопроса, ибо эта тема остается одной из наименее известных современному читателю.

Сложность евразийской проблематики заключается в том, что в создании евразийской идеологии участвовало несколько выдающихся интеллектуалов-ученых с разным исходным образованием, разными интересами и разными подходами к окружающей действительности. В своей статье (см. «Этнограф. обозрение». 1996. № 4) я пытался продемонстрировать различия в подходах двух духовных вождей евразийства Н.С. Трубецкого и Л.П. Карсавина, которые в известной степени являлись соперниками. В меньшей степени это относится и к работам П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Н.Н. Алексеева и ряда других активистов евразийства. К тому же с течением времени под воздействием меняющихся обстоятельств и критики со стороны оппонентов взгляды евразийцев менялись. Все это существенно осложняет задачу исследователя, который хотел бы сум-

---

* Написание данной статьи было бы невозможно без поддержки Центра по проведению исследований и конференций в Белладжии, Италия (Фонд Рокфеллера) и Центра по изучению национализма при Центрально-Европейском университете (Прага, Чешская Республика). Я приношу глубокую благодарность обоим центрам за предоставленную возможность проведения исследований по евразийству.

мировать взгляды евразийцев и сформулировать непротиворечивую характеристику их идеологии. Тем не менее имелись определенные идеологические позиции, которые разделялись всеми евразийцами.

Одна из таких важнейших позиций заключалась в том, чтобы всеми силами способствовать сохранению целостности Российского государства, как бы оно не называлось. В этом, кстати, евразийцы сходились как с русскими либералами, так и с большевиками. Различия заключались лишь в тактике, а также в представлениях о том, на какой политической основе должна строиться российская государственность. Со временем евразийцы в этом отношении эволюционировали в сторону большевизма, и не случайно в 1930-е годы многие из них с энтузиазмом поддержали внутреннюю и внешнюю политику Сталина. Не случайно также и то, что уже в конце 1980-х годов, осознав непрочность своей идеологической платформы, коммунистический режим в СССР попытался использовать идеи евразийства. Показательно, что в одном из последних номеров журнала "Коммунист", перед тем как он поменял название, была опубликована статья, автор которой предпринял попытку примирить евразийство с коммунистической идеологией³, хотя, как хорошо известно, ранние евразийцы в первой половине – середине 1920-х годов стояли на откровенно антикоммунистических позициях.

Любопытно, что это парадоксальное стремление совместить евразийство с коммунизмом прослеживается и у Карлова. В чем корни этого феномена, как он встраивается в парадигму русского национализма – об этом мне и хотелось бы поговорить в настоящей работе.

Прежде чем перейти к обсуждению этой проблемы, следовало бы развеять недоразумение, которое возникает в связи со статьей Карлова. Мне осталось совершенно неясным, на каком основании этот автор пытается отлучить культурологические построения евразийцев от науки. Да, евразийство было идеологией, это бесспорно. Но оно являлось идеологией, претендовавшей на научное обоснование, и многие из создателей ее были талантливыми и высокообразованными для своего времени учеными, которые сознательно мобилизовали свой научный потенциал служению русской державной идее.

Карлов полагает, что культурологические построения евразийцев не доросли до научного сознания. Он склонен считать, что евразийцы не занимались научным познанием России-Евразии. А как же тогда быть с географическими трудами П.Н. Савицкого, историческими построениями Г.В. Вернадского, лингвистическими штудиями Н.С. Трубецкого, не говоря уже о рассеянных по многочисленным евразийским периодическим изданиям трудах второстепенных авторов? Полно же, да ознакомился ли Карлов с этими публикациями, прежде чем сделать свой весьма глубокомысленный вывод?

О каких собственно культурологических построениях евразийцев идет речь? Может быть, Карлов был прав, и все эти представления должны восприниматься в наши дни не более как наивными «предчувствиями»? Почему же тогда столько сил и энергии уделяли полемике с евразийцами их маститые современники – философ Н.А. Бердяев, историки П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер и П. Бицилли, публицист Ф.А. Степун и другие авторы, считавшие евразийство опасной и могучей силой? В таком случае в чем же заключалась эта сила?

Чтобы прояснить этот вопрос, рискну вновь вернуться к культурологическим идеям, выдвинутым евразийцами. Среди них следует отметить следующие:

1. Принципиальный релятивизм, партикуляризм и сознательный отказ от теории прогресса (Н.С. Трубецкой).
2. Членение культуры на «высшую» и «низшую», культуру элиты и культуру простонародья, культуру профессиональную (городскую) и культуру традиционную (сельскую) (Трубецкой).
3. Представление о сложной структуре культуры, состоящей из отдельных субкультур, переплетающихся друг с другом самым причудливым образом, отчас-

ти автономных и в то же время составляющих нераздельное единство (Л.П. Карсавин)⁴.

4. Попытка сформулировать учение об обратной зависимости между языком и культурой, о влиянии языка на мировосприятие и культурные стереотипы. В мировую науку этот подход вошел как «гипотеза Сэпира – Уорфа», но, похоже, Трубецкой пришел к этой идее вполне независимо.

5. Учение о лингвистических союзах, ставшее одной из важнейших основ современной лингвистики (Трубецкой).

6. Представление об этническом ядре и этнической периферии (Л.П. Карсавин).

7. Идеи о тесной связи культуры с конкретной средой обитания (П.Н. Савицкий). Сейчас есть все основания предполагать, что советские ученые (прежде всего С.П. Толстов), сформулировавшие учение о хозяйственно-культурных типах, были в курсе этих евразийских идей и по мере возможностей их использовали.

8. Культурологический подход к истории народа (Г.В. Вернадский). За рубежом этот подход всемерно использовался французской школой Анналов и некоторыми другими авторами.

9. Стремление обосновать особенности политической структуры и политической истории культурологическими факторами (М. Шахматов). Собственно, на этой основе позднее выросла политическая антропология.

10. Упор на особую роль идеологии в жизни современного общества (понятие «идеократии»). По сути речь шла об активном идеологическом воздействии на массовое сознание, что стало важной особенностью тоталитарных режимов XX в.

Вот далеко не полный список фундаментальных культурологических подходов, нашедших отражение в работах евразийцев. Все они так или иначе и ныне используются в мировой этнологии, культурологии, лингвистике и политологии, не говоря уже о модном у нас нынче цивилизационном подходе. Я вовсе не покушаюсь на право Карлова относить все эти идеи к «преднаучному» сознанию. Гражданину современного демократического общества не возбраняется разделять любые представления. Но уж коль скоро автор выступает от лица науки, его суждения должны быть по меньшей мере доказательными. Вместе с тем, как это ни странно, Карлов фактически ограничивается вскользь и как бы свысока брошенной фразой об удручающем состоянии современной мировой культурологии. Что дает ему основания писать так, остается неясным. Ведь каких-либо серьезных теоретических работ по культурологии, насколько мне известно, у него нет.

Как бы то ни было, перечисленные выше и многие другие культурологические идеи использовались евразийцами для обоснования необходимости сохранения единой и неделимой России, что в свою очередь требовало широкого обсуждения вопроса о ее поликультурности и многоэтничности. Такое обсуждение началось среди российских интеллектуалов задолго до появления евразийства. Один из наиболее оригинальных подходов выдвинул выдающийся русский философ-либерал Вл. Соловьев, взгляды которого имеют первостепенную важность для понимания позиции евразийцев. Он трактовал «национальный вопрос» как вопрос о самом существовании народов и отрицал наличие такового в России, независимости которой ничто не угрожало.

По Соловьеву, говорить о национальном вопросе в России можно было только в смысле «достойного существования» на основе нравственного закона. В соответствии с этим Соловьев призывал народы преодолеть свою природную ограниченность, признать себя частью вселенского целого и служить всечеловеческим, а не узкокорыстным интересам. Ведь различные народы, как считал Соловьев, «суть различные органы в целом теле человечества»⁵. И общечеловеческое начало, будто бы заложенное в христианстве, требует не национального разделения, а всеобщего воссоединения, что послужило бы исцелению человечества.

Таким образом, Вл. Соловьев трактовал национализм исключительно в отрицательном смысле – как национальный эгоизм, ведущий к борьбе за превосходство, к культурному насилию, к угнетению одних народов другими⁶. В этом он следовал

традиционному в России употреблению термина «национализм»⁷, которое во многом сохраняет свое значение до сих пор⁸. Похоже, этой позиции придерживается и Карлов, хотя российскими учеными сейчас делаются попытки освободить термин «национализм» от аксиологической нагрузки и ввести различие между разными типами национализма⁹.

По мнению Соловьева, к бескорыстному самоотречению был наиболее подготовлен именно русский народ с его идеалом «Святой Руси». И историческая миссия русского народа виделась ему в том, что тот должен стать соединяющим звеном между Востоком и Западом¹⁰, причем ближайшая его задача состояла в объединении славянских народов¹¹. Будучи либералом, Соловьев признавал права народов на самостоятельное существование и протестовал против насильственной обрусительной политики. В то же время он стоял за нерушимое государственное единство России и не видел ничего предосудительного в «мягкой», «естественной» ассимиляции нерусских народов. Чувствуя некоторую противоречивость своей позиции, Соловьев настаивал на том, что русский народ в отличие, например, от немцев не считает государственность самоцелью и что политический фактор у него стоит на втором плане. Вожделенной целью русского народа является «правда», воплощенная в православной церкви.

Какими бы привлекательными ни казались, на первый взгляд, идеи Соловьева, они без труда обнаруживают имперский подход к действительности (отсутствовала даже попытка разобраться в реальной ситуации, в которой жили нерусские народы России, понять их мысли и чаяния). Все это необходимо иметь в виду при анализе программы по национальному вопросу, предлагавшейся евразийцами. Они ожесточенно спорили с Соловьевым, но находились под его большим влиянием и в принципе стояли на сходной платформе.

Если имперский подход базировался на безусловно интегративном решении национального вопроса, то прямо противоположной позиции придерживались некоторые лидеры малых угнетенных народов. Среди последних, бесспорно, выдающееся место принадлежало будущему первому чехословацкому президенту Т.Г. Масарику. Он, как и Соловьев, стоял на либеральных гуманистических позициях и тоже выступал за равноправие народов, против шовинизма. Однако понимание Масариком этих категорий было иным. В частности, для него было совершенно очевидным, что концепция космополитизма, выдвинутая Ж.Ж. Руссо, в практике XVIII в. означала мировое доминирование Франции¹², и с этой точки зрения, по аналогии, взгляды Соловьева следовало бы трактовать как империалистические и шовинистические.

Политическая самостоятельность малых народов была для Т.Г. Масарики не абстракцией, а реальной практикой. Если либералы и социалисты в начале XX в. исходили в своей политике из представления о том, что человечество идет к единению, и на этом основании воздерживались от предоставления независимости малым народам, то Масарик на примере истории последних веков пытался показать, что Новое время было временем распада многонациональных империй и образования новых национальных государств. Он протестовал против политики порабощения малых народов, которую вели в Восточной Европе Пруссия, Австрия и Россия, и призывал признать права таких народов в международном праве¹³.

Как бы ни развивались теоретические споры, жизнь шла своим путем, и распад Российской империи, наметившийся в 1917 г., принял после Октябрьской революции лавинообразный характер. В 1918–1922 гг. вопрос о сохранении государственного единства стоял очень остро. Большевики справились с этой неимоверно трудной задачей путем террора, создания сильной централизованной власти, введения этно-административного принципа государственного устройства и, наконец, поправок (пусть и временных) местным элитам.

За рубежом наиболее пристально к советскому опыту присматривались евразийцы, которые, провозгласив себя антикоммунистами, все же пытались приспособиться к сложившейся после революции политической ситуации, тщательно анализировали все

происходящие в стране события с точки зрения их реальной пользы для России-Евразии. И не случайно к концу 1920-х годов среди них возникло мощное течение, готовое сотрудничать с большевиками. Разумеется, они не всё принимали в советской системе и критиковали ее, следуя лозунгу «За советскую власть без коммунистов, но с православием»¹⁴. Чтобы понять суть этого лозунга, надо иметь в виду, что, стоя на сугубо националистических позициях, они понимали под коммунистами троцкистов-интернационалистов и симпатизировали национал-большевикам.

Таким образом, евразийство содержало немало советских идей, приправленных русским имперским национализмом. По меткому определению А. Кулишера, евразийство представляло собой «“белую” психологию в той стадии вырождения, когда она превратилась в правый большевизм»¹⁵. Именно поэтому в последние годы оно получило такую популярность у бывших партийных бюрократов и новых русских националистов, что заслуживает специального серьезного обсуждения, которое увело бы нас далеко от поставленной здесь проблемы. Хотелось бы лишь отметить, что современные сторонники евразийства не составляют какого-либо монолитного единства. Так, например, взгляды президента Казахстана Н.А. Назарбаева и журналиста А. Проханова имеют весьма мало общего.

В этом отношении оптимистическое утверждение Карлова о том, что идеи евразийства разделяют многие нерусские, вызывает серьезные сомнения, и хотелось бы посоветовать автору поинтересоваться, что по этому поводу пишут, скажем, современные татарские, казахские или украинские авторы.

Вернемся, однако, к классическим евразийцам. Во имя спасения целостности Российской империи они разрабатывали идеологию, которая способствовала бы единению всех входивших в это государство народов. Основными компонентами этой идеологии были концепции замкнутого географического и культурного мира России-Евразии (автаркия), иерархического строения культуры на принципах «соборности», духовной (религиозной) сущности культуры, идеологического единства (идеократии), включающего «общеевразийский национализм», и в то же время элитарного членения культуры на «верх» и «низ». Роль связующего ядра в евразийском обществе отводилась русскому народу.

Естественно, евразийцы отметили сепаратизм и узкий этнонационализм, в том числе и русский, справедливо видя в них угрозу единству. Ради территориальной интеграции они жертвовали общностью крови и сознательно отказывались от «славянской идеи» многих своих предшественников. Зато они всемерно развивали «туранскую идею», которая исходила из родства восточных славян с финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами. В итоге, как метко заметил порвавший с евразийством Г.В. Флоровский, субъектом истории в евразийской схеме становилась территория, а не народы¹⁶.

Действительно, пытаясь обосновать естественность существования Российской империи, евразийцы должны были продемонстрировать закономерность группировки человечества в крупные сообщества. Этому и служила идея Н.С. Трубецкого о «преимуществах системы автаркических миров как особой формы организации мирового хозяйства»¹⁷. Трубецкой разъяснял, что далеко не каждое государство может стать таким автаркическим миром, а лишь то, которое представляет собой особую цивилизацию, спаянную общностью исторической судьбы. Иными словами, этот подход, родственной теории локальных цивилизаций, утверждал, что полноценными самостоятельными организмами могут быть только колоссальные многонациональные государства и что именно в них путем введения единого жизненного стандарта можно будет преодолеть неравенство.

Идея прогрессивности автаркических миров, заимствованная евразийцами из германской геополитики 1920-х годов, была им особенно дорога, так как отвечала их представлениям об особенностях Евразии как именно такого рода мира¹⁸. Известный евразиец К.А. Чхеидзе пронес идею «государств-материков» через всю свою долгую жизнь, видя именно в государственном укрупнении основную тенденцию развития

человечества и считая СССР идеалом такого рода «паневразийского государства-материка»¹⁹. Аналогичным образом и Карсавин рассматривал политическое единство Евразии как преимущество над Европой, которой в будущем надлежало последовать этому примеру²⁰. Отмечу, что идея блоков наций типа «евразийского» пришлась по душе французским фашистам, которые не представляли международные отношения иначе, как борьбу между такими блоками²¹.

Вся сложная идеологическая конструкция евразийцев была призвана детально разработать основную стратегию развития такого государства в самых разных сферах – политической, экономической, социальной, образовательной и др. В данной статье меня будет интересовать прежде всего национальный аспект этой конструкции.

Как отмечалось, евразийское решение национального вопроса на территории Евразии основывалось на евразийской теории культуры. Первым евразийцем, который предпринял глубокий теоретический анализ этой проблемы, основываясь на идеях Н.С. Трубецкого и Л.П. Карсавина, был К.А. Чхеидзе. Он отметил, что государственное единство требовало ряда существенных предпосылок, а именно геополитического единства, единства этнической системы и культурно-исторического единства. Под геополитическим единством он понимал, во-первых, территориальную целостность, во-вторых, тесную связь между культурными типами и окружающей природной средой. Этническую систему он рассматривал в широком смысле как многоэтническое единство, основанное на общих культурных элементах и межэтнических браках, что порождало естественное взаимное тяготение этнических компонентов друг к другу, а также создавало представление о тесных генетических связях или общем происхождении.

При наличии культурного единства, обнимавшего все этнические компоненты, а также сознания «общности исторической судьбы» возникало культурно-историческое единство. В соответствии с евразийской концепцией, Чхеидзе отождествлял культурное ядро с духовной (религиозной) сферой, которая будто бы могла вдохновить на построение культурного единства даже в поликонфессиональной среде. Более того, он допускал, что единство могло строиться и на основе атеизма. Полиэтническое культурное единство могло быть особенно сильным, если бы его отдельные компоненты («нации») имели общие цели и задачи. Только на подобной основе мог возникнуть «государственный организм», состоявший из нескольких «наций». Таков был евразийский подход к решению национальных проблем в полиэтнических государствах типа России²².

По мнению Чхеидзе, в России имелись все необходимые предпосылки для этого и прежде всего «соборность», являвшаяся ее центральной идеей. Поэтому Россия представляла собой неразделимую целостность, и самой судьбой ей было предписано быть многонациональным государством. Чтобы создать последнее, каждую «нацию» надлежит признать особой личностью, все нации должны получить равный статус, и у каждой из них должны быть свои правительство и этническая территория в пределах единого государства. В то же время всем им надлежит признать «органические» связи с государственным единством и, развивая свои оригинальные культуры, религии и представления о прошлом, избегать шовинистических уклонений.

Заботясь о практической реализации этих идей, евразийцы поддерживали советский федерализм, основанный на принципах этнической автономии²³. В то же время они настаивали на его корректировках и требовали, чтобы все народы без исключения получили статус автономий. В частности, следовало разрешить и русским создать свое «национальное образование». Более того, «именно русская культура, пополняемая элементами культуры других народов Евразии, должна стать базой национальной (евразийской) культуры, которая бы служила потребностям всех народов России-Евразии, не стесняя их национальных своеобразий...»²⁴. Это означало, что евразийцы признали вызванные революционными преобразованиями изменения в политическом статусе нерусских народов и стремились учитывать их, переосмысливая положение

русского народа в новой этнополитической ситуации. В то же время они пытались сохранить за русской культурой особое место.

Эта проблема по сути находилась в центре евразийской концепции. Вот почему Трубецкой неоднократно к ней возвращался в 1920-е годы. Он отмечал, что все народы бывшей царской России получили равный статус и что русские безвозвратно утратили свое прежнее политическое господство. Следовательно, требовалось признать эти изменения постоянным, а не временным явлением. Чтобы избежать открытой или скрытой конфронтации с другими народами, Н.С. Трубецкой предупреждал русских от каких-либо попыток посягательства на политические права последних. Он предсказывал, что такие столкновения могут лишь повлечь распад государства и что в создавшихся условиях русский этнический национализм, который неизбежно привел бы к русскому сепаратизму, может иметь тот же разрушительный эффект.

Н.С. Трубецкой с тревогой отмечал рост этнического национализма и сепаратизма в СССР, что угрожало государственному единству²⁵. В 1920-е годы евразийские идеологи в целом очень остро воспринимали эту тенденцию²⁶. Чтобы предотвратить государственный распад, Трубецкой предлагал сознательно создавать «общий этнический (национальный) субстрат», занявший бы то место, которое в прошлом принадлежало русским. Такой субстрат мог возникнуть лишь при условии добровольного объединения народов СССР и стать некоей «многонародной нацией», т.е. евразийской нацией с собственным национализмом, который можно было бы назвать «евразийским».

Концепция «многонародной нации» (или многонародного этноса) выглядела достаточно экстравагантно, и, чтобы доказать ее правомерность и избежать разногласий, Трубецкой ссылался на евразийскую теорию культуры. Он отмечал, что нет полнородных народов и культур. С одной стороны, каждый народ включает подгруппы более низкого ранга со своими собственными культурными и языковыми особенностями. С другой стороны, он в свою очередь входит в более широкую культурную целостность, обнимающую несколько народов.

Заслуживает внимания то, что Трубецкой хорошо сознавал некоторую искусственность любого национализма. Он указывал, что «национализм всегда в известной мере отвлекается от фактической неоднородности и необособленности данной этнической единицы и, смотря по степени этого отвлечения, можно различать разные виды национализма». Тем самым разные типы национализма относились друг к другу как «культурные личности» разного порядка²⁷. Следовательно, чтобы избежать развития сепаратизма, различные типы национализма должны быть включены в определенную многослойную структуру. Иными словами, каждый гражданин Евразии должен был осознавать не только свою этническую, но и евразийскую принадлежность, т.е. иметь многоуровневую идентичность²⁸.

В то же время некоторые евразийские народы могли принадлежать также к другим макрообщностям, подобно славянской, туранской, мусульманской и др. Вот почему, по мнению Трубецкого, необходимо было интенсивно и целенаправленно воспитывать чувство евразийской принадлежности, для того чтобы предотвратить рост других соперничавших макронационализмов, способных вызвать сильные центробежные тенденции. Вслед за Чхидзе Трубецкой настаивал на том, что евразийское единство – гораздо более естественно, чем названные выше макрообщности, и не в последнюю очередь благодаря общности исторической судьбы его народов. Трубецкой заключал, что необходимо в срочном порядке культивировать евразийское самосознание, иначе рано или поздно Россия-Евразия распадется на составные части.

Полуто отмечу, что именно такого рода самосознание («общесоветское») культивировалось в СССР прежним режимом²⁹, что, однако, не спасло страну от распада. Почему распад все же произошел? Концепции современного русского национализма, рисующие идиллическую картину сосуществования народов в границах как Российской империи, так и СССР, не дают удовлетворительного ответа на этот вопрос и их авторы вынуждены искать внешнюю злую силу, которая будто бы грубо нарушила

исконную гармонию. На удивление близки этому и взгляды Карлова, который пытается рассматривать новейшую историю России-СССР на фоне якобы общемировой тенденции к региональной интеграции на многоэтнической основе и, что весьма показательно, оставляет открытым вопрос о причинах распада СССР.

Так что же произошло? Почему не сработала евразийская идеология, которая под маской коммунизма внедрилась в СССР в последние десятилетия? Произошло ли это из-за неразрешимых противоречий между идеологией и политической реальностью? Или что-то было неладно с самой идеологией? Ответить на этот вопрос важно, так как многие наши соотечественники-интеллектуалы, будто зачарованные, ожидают чудес от нового внедрения евразийской идеологии³⁰.

Начну с того, что Н.С. Трубецкой и другие евразийцы с энтузиазмом поддерживали идею «единства в многообразии», которая долгие годы разделялась и советской идеологией. В контексте евразийства эта идея была тесно связана с идеей русского мессианства. Так, для Н.Н. Алексеева «соборность» русской культуры означала ее «сверхнациональную» сущность, т.е. ее универсальный дух, соединявший великие идеалы Востока и Запада. Вот почему «русский национализм... менее всего питает в себе национальный партикуляризм» и никогда не был связан с «узким (т.е. вредным) национализмом». Принцип национального эгоизма никогда не лежал в основе российской государственной политики³¹. Тем самым евразийцы фактически отвергали принцип «национального (т.е. этнического) суверенитета», хотя поначалу и признавали права нерусских народов на автономную политическую жизнь. Впрочем, в чем реально могли выражаться эти политические права, нигде не объяснялось. И есть все основания полагать, что разговоры о политических правах народов являлись таким же тактическим маневром для евразийцев, каким они были и для Сталина.

Как же евразийцы представляли себе культурную структуру будущей российской (евразийской) государственности? Какой должна была быть культурная основа «евразийского национализма»? Чтобы это понять, следует снова вернуться к концепции Карсавина о культурной иерархии «матрешечного типа», которую пытался развивать и Трубецкой, различавший несколько разных видов национализма³². В одной из своих ранних книг доевразийского периода Карсавин писал: «Для полноты всеединства необходимо, чтобы всякий момент его, всякая индивидуальность, а, следовательно – и данная конкретная религиозность (православие), и данная культура, и данный народ, всецело восприняла в себя и сделала собою актуализованное другими индивидуальностями, явив в себе единственный, неповторимый образ всеединства. Для этого, далее, необходимо (и по существу и как необходимое условие первого), чтобы та же индивидуальность всецело отдала себя прочим, жертвенно растворилась во всеединстве»³³.

Иными словами, «если коллективная историческая личность стремится стать всем, она становится, лишь отдавая себя всему, теряя свою личность»³⁴. Близость этого подхода взглядам Вл. Соловьева более чем очевидна, и именно такая судьба могла бы ждать русский народ при условии полной реализации евразийской программы.

На самом деле евразийцы в своих представлениях о месте и важности русской культуры в евразийском обществе были не совсем последовательны. Так, по Карсавину, с одной стороны, именно евразийская, а не великорусская культура должна была стать общей основой единства, но, с другой, «русское первенствовало и первенствует донныне как наилучший носитель общеевразийского» и в этом у русского начала не было и не предвидится конкурентов³⁵. Трубецкой также был согласен с тем, что по определенным причинам русский народ был призван играть первенствующую роль среди всех других народов государства³⁶. И отнюдь не случайно многие евразийцы ассоциировали себя именно с русским национализмом, правда, с оговоркой, что они имеют в виду его широкое значение, о чем писал Трубецкой³⁷.

Позицию евразийцев лучше всего проясняет дискуссия об «украинской проблеме», которая проходила во второй половине 1920-х годов. Евразийцы исходили из идеи «общерусского», т.е. восточнославянского культурного единства, существовавшего до XII–XIV вв.³⁸. Этот факт русской истории имел для них гораздо более важное зна-

чение, чем последующее разделение на великороссов, украинцев и белорусов с их особым историческим прошлым. Трубецкой развивал идею о том, что культура Московской Руси и культура «Западной Руси» были разновидностями одной и той же общерусской культуры. Более того, «высшая» общерусская культура Российской империи XVIII в., по его мнению, была обязана своим созданием достижениям украинской культуры (школа, литературный язык, литература, архитектура, живопись и пр.), привнесенным в Россию образованными украинцами, оказавшимися на русской службе. Увлеченный этой идеей Трубецкой даже настаивал на том, что Петр I полностью искоренил великорусскую культуру Московской Руси, заменив ее на украинскую. Тем самым «провинциальная» украинская культура вытеснила московскую и стала основой «высокой» культуры Российской империи³⁹.

Эта концепция подверглась резкой критике со стороны известного украинского историка Д. Дорошенко, который отметил, что и речи не было о заимствовании украинской культуры во всей ее целостности, а потому следует считать ошибочным отождествление украинской культуры с общерусской⁴⁰. Это заставило Трубецкого несколько откорректировать свою идею⁴¹.

Как бы то ни было, Трубецкой вполне осознанно развивал рассмотренные выше взгляды с целью обосновать общую русско-украинскую основу «высокой» культуры России, что, по его мнению, должно было легитимировать политическую интеграцию Украины в состав Российской империи. А поскольку первостепенную роль в его конструкции играл языковой момент, нелишне напомнить, что Т.Г. Масарик, высказываясь по «украинской проблеме», особенно остро реагировал на привлечение «филологических аргументов». Он не считал их решающими. Народ, по его мнению, мог создаваться благодаря политическим и эмоциональным, но отнюдь не филологическим факторам⁴². Иными словами, в подобного рода дискурсах культурные аргументы не имели особой силы.

Между тем евразийцы делали акцент именно на культурных аргументах. Трубецкой отмечал, что в XVIII–XIX вв. в тесном контакте с «высокой» общерусской культурой естественным образом развивались локальные индивидуальные культуры (великорусская, украинская, белорусская). В своей начальной форме первая, по его мнению, была слишком абстрактной, являясь продуктом отчуждения интеллигенции от народа, что порождало ностальгические мечты об их новом единении и последовательно вело к регионализму и национализму.

Для Трубецкого большое значение имел вопрос о том, имеет ли общерусская культура вообще какой-либо смысл в этих условиях или же каждая из трех ветвей «русского племени» должна создавать свою независимую региональную культуру? При решении этого вопроса Трубецкой опирался на идею о «высокой» и «низкой» культурах. Он настаивал на том, что каждая культура должна учитывать оба аспекта, и предупреждал украинцев, что в случае отвержения «высокой» общерусской культуры они столкнутся с катастрофическим упадком культуры. Путь украинцев к «общечеловеческой культуре», по Трубецкому, лежал исключительно через восприятие культуры более высокого уровня, т.е. общерусской, или евразийской⁴³. Именно поэтому он смотрел на украинских националистов и сепаратистов как на «узких местных шовинистов», которые нарушали естественный ход развития украинской культуры. Если украинская культура порвет с общерусской, заключал Трубецкой, ей придется многое заимствовать у Запада и она в результате потеряет свою самобытность.

Настоящая украинская культура, с его точки зрения, может выжить только будучи «индивидуализацией общерусской культуры», т.е. как «низкая» культура. Подобным же образом следовало создавать великорусскую и белорусскую «низкие» культуры. Но если отдельные «низкие» культуры должны были развиваться независимо друг от друга, то создание «высокой» культуры требовало совместных усилий, без чего невозможно построить единую культурную систему. Последняя станет прочнее, если будет создаваться на основе какого-либо сущностного принципа. Таким идеальным

принципом для Грубецкого было русское православие, способное оплодотворить все сферы культуры сверху донизу.

Таким образом, украинская контртеория отчетливо показывает, чему на практике должна была служить евразийская теория культуры и какие результаты следовало от этого ожидать. Совершенно очевидно, что отдельные этнические культуры могли сохраняться в планировавшемся евразийском государстве только как этнографические «низкие» культуры, бесписьменные или со слабо развитой письменной традицией⁴⁴. Это было естественным следствием евразийской теории культуры, настаивавшей на том, что языковое состояние на «высшем уровне» культуры должно было быть более единообразным, чем на «низшем»⁴⁵. На практике это означало, что на общерусском уровне должен был доминировать русский язык.

Нелишне отметить, что сам Грубецкий отчетливо сознавал, что великорусский язык уже одерживал победу и обслуживал потребности «высокой» культуры с тех пор, как произошло слияние украинской и великорусской культур. Он отмечал, что именно на этот язык перешла украинская элита, оставив свой прежний «русско-польский жаргон»⁴⁶. Однако он тщательно обходил вопрос о политической подоплеке этой смены языка, хотя было совершенно очевидно, что в Российской империи местная знать сознательно привлекалась на службу в центральные органы власти и включалась таким образом в создание «высокой» культуры. Это вело к ускоренной русификации местных элит, которые получали различные привилегии и зачастую были более лояльны по отношению к центральной власти, чем к своим народам. Таков был практический результат внедрения «высокой» культуры в условиях империи.

Л.П. Карсавин признавал, что в развитии русской культуры и российского государства в XVIII–XIX вв. наряду с великороссами участвовали лучшие украинские и белорусские деятели⁴⁷. Однако он обошел молчанием тот факт, что большинство этих деятелей были русифицированы и порвали все связи со своими народами и культурами. Вот почему к середине XIX в.⁴⁸ или даже раньше произошли обеднение и «провинциализация» украинской культуры⁴⁹. Здесь следует отметить, что процесс «импорта мозгов», в сущности характерный для любой империи⁵⁰, продолжался и в советский период. Нерусские интеллигенты неоднократно сетовали на грабительскую деятельность Центра, который склонял наиболее талантливых и знающих людей покидать родные места и переселяться в Москву или Ленинград⁵¹.

Более того, теория Грубецкого полностью игнорировала религиозное разнообразие среди украинцев (имея в виду этническую, а не политическую сторону проблемы). Ведь в 1920-е годы Западная Украина лежала за пределами СССР), значительные группы которых были последователями иных христианских вероисповеданий и не имели намерений переходить в православие. Наконец, евразийцы не учитывали процесс модернизации, индустриализации и урбанизации и не думали об их возможных культурных последствиях. Концепция евразийцев ориентировалась прежде всего на дореволюционную экономическую и демографическую ситуацию, связанную в значительной мере с сельским населением.

Короче, последовательное претворение в жизнь евразийской теории культуры могло в отдаленной перспективе привести к русификации и обращению в православие всех нерусских народов страны. Все это довольно рано понял один из критиков евразийства историк П. Бицилли, который писал о том, что евразийская федерация народов неизбежно выльется на практике в неограниченное господство православных над всеми остальными, а партия Союза окажется Союзом Русского Народа⁵². Вовсе не случайно, что, обсуждая особенности евразийской федеральной административной системы, Н.Н. Алексеев совещал советской власти стремиться к преобразованию своего «национального» (этнического) федерализма в областной. «Принципом федерации, – указывал он, – должна быть не национальность, но реальное географическое и экономическое целое в виде области или края»⁵³.

Наконец, уже на излете евразийского движения Андрей Эфрон признал, что оно вдохновлялось «имперской идеей», т.е. идеей национального единства на «мно-

гоэтнической основе»⁵⁴. Фактически он почти дословно повторил приведенную выше формулу Карсавина о судьбе имперского народа⁵⁵, применив ее к русским. Россия, по его мнению, должна была вобрать в себя все евразийские народы, аккультурировать их и в то же время раствориться в их культурах и духовном мире. Так, возникшая на этой основе новая синтетическая культура стала бы оправданием русской имперской идеи. Интересно, что Эфрон чувствовал нарастание этой тенденции в СССР начиная с 1936 г.

В наши дни имеются хорошие возможности оценить на практике результаты евразийского решения «национального вопроса». Строительство синтетической общесоветской культуры, начавшееся, как верно заметил Эфрон, с середины 1930-х годов, приобрело колоссальный размах в 1960-е – первой половине 1980-х годов. Результаты этого культурного развития вызвали у многих нерусских народов страх перед надвигающейся русификацией и опасения за судьбы своих национальных культур и языков⁵⁶. Еще менее этот процесс мог удовлетворить русских националистов. Они видели, что русские утрачивают свои культурные особенности в отличие от некоторых нерусских народов, стремившихся мобилизовать собственные культурные ресурсы, для того чтобы противостоять русификации. Страна не выдержала культурного перенапряжения, и это было одной из причин краха советского режима.

Проведенный выше анализ, как мне представляется, дает адекватное представление о том, в чем на практике могло воплотиться евразийское решение национального вопроса и почему оно не могло не привести к этническому взрыву. С оригинальными взглядами евразийцев небесполезно познакомиться еще и потому, что некоторые современные авторы уже делают попытку отлучения классических евразийцев от евразийства, подобно тому, как в недавние годы в СССР Маркса старательно отлучали от марксизма.

Наконец, вытекает ли из евразийских построений оправдание тоталитарного режима, против чего столь эмоционально возражает Карлов? Разумеется, кое-кто из современных читателей, слабо знакомых с оригинальными трудами евразийцев, может с доверием отнестись к его заявлению, тем более что ностальгия по прежнему государственному единству еще долго будет жить в сердцах многих людей. И это можно понять. В то же время следует отметить, что, хотя стремление спасти империю от распада и было стержнем всех евразийских построений, специфику учения евразийцев составляло не это, ибо за сохранение целостности российского государства стояли все русские эмигранты независимо от партийной принадлежности.

Специфика евразийства состояла в национально-политической программе, основанной на однопартийной системе, господстве «правящего отбора» и вождизме⁵⁷. Эта программа отличалась ярко выраженным антидемократизмом, и для демократических оппонентов евразийцев (Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, С.И. Гессен и др.) в 1920-е годы настроенность последних на тоталитаризм была более чем очевидной: они неоднократно подчеркивали близость их взглядов к фашизму, видели в их идеологии основу для развития русского фашизма⁵⁸. Более того, Бердяев был, вероятно, первым, кто отметил родство платформы евразийцев с антидемократическими идеями «Республики» Платона⁵⁹. Это тем более важно подчеркнуть, что нынешнему российскому читателю доступна книга К. Поппера «Открытое общество и его враги», в которой автор детально анализирует тоталитаристскую доктрину Платона, соответствующую, по его определению, «закрытому обществу».

Каждому, кто знаком со взглядами классических евразийцев, будет нетрудно убедиться в том, насколько тесно они смыкаются с теми параметрами, которые, по Попперу, характеризуют тоталитарные режимы⁶⁰. Чего стоит хотя бы чрезмерное воспевание евразийцами Московской Руси и противопоставление ее петровской и постпетровской эпохам. В этой связи нелишне напомнить следующее высказывание К. Поппера: «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму»⁶¹.

И последнее. Надеюсь, непредвзято настроенному читателю уже ясно, насколько «глубоки» познания Карлова в евразийской проблематике. Но на каких же материалах этот автор строит свои далеко идущие выводы, кого он привлекает в союзники? Как на высший авторитет он ссылается на две публикации в газете «Правда», принадлежащие перу известного «специалиста» по евразийству С. Кара-Мурзы. Одна из них фактически оправдывает сталинизм⁶², а вторая выдержана в откровенно антисемитском духе⁶³. Как говорится, комментарии здесь излишни. Остается только выразить сочувствие студентам, вынужденным учиться у такого преподавателя...

Примечания

¹ См., например: Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992; Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992; Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993; Мир России – Евразия. М., 1995.

² *Boss O.* Die Lehre der Eurasier. Wiesbaden, 1961.

³ *Исаев И.А.* Евразийство: миф или традиция // Коммунист. 1991. № 12.

⁴ В одной из своих работ я попытался развить именно этот подход. Тогда я еще ничего не знал о Л.П. Карсавине, и каково же было мое удивление, когда я обнаружил едва ли не дословное совпадение наших позиций по этой проблеме. См.: *Шнирельман В.А.* Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 66–67.

⁵ *Соловьев Вл.* Национальный вопрос в России // Соловьев Вл. Собр. соч. Т. 5. СПб., 1903. С. 10, 25.

⁶ Там же. С. 11–13, 21–22.

⁷ *Милуков П.Н.* Национальный вопрос. Прага, 1925. С. 13.

⁸ См., например: *Абдулатипов Р.* Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество. М., 1994. С. 22; *Семенов Ю.И.* Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем. М., 1995. С. 75.

⁹ *Дьяконов И.М.* Все мы – люди. Размышления историка об этническом самосознании // Знание – сила. 1989. № 4. С. 37; *Юхнева Н.В.* Договоримся о терминах // Звезда. 1990. № 2. С. 116–117; *Миллер А.И.* Национализм как теоретическая проблема // Национализм и формирование наций. М., 1994. С. IV–V; *Дробжишева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

¹⁰ *Соловьев Вл.* Указ. раб. С. 30–32.

¹¹ Там же. С. 53–68. Взгляды Соловьева вполне отвечали той атмосфере, которая преобладала в кругах либеральных мыслителей второй половины XIX в. Но сегодня, когда на повестке дня стоит вопрос о правах национальных меньшинств, такие взгляды справедливо трактуются как великодержавные и даже шовинистические. Об этом см.: *Hobsbawm E.* Nations and nationalism since 1780. Cambridge, 1990. P. 30 ff. *Szporluk R.* Dilemmas of Russian nationalism // Problems of Communism. 1989. July–August. P. 17–20.

¹² *Masaryk T.G.* Idealy humanitní. Pr., 1968. S. 73.

¹³ *Масарик Т.Г.* Проблема малых народов и война // Вольное казачество. Прага, 1928. № 4. С. 13–15.

¹⁴ *И.П.В.* Евразийство (прения по докладу П.Н. Милукова) // Последние Новости. Париж, 14 февраля 1927.

¹⁵ *Кулишер А.* Шуйца и десница евразийства // Последние Новости. 4 марта 1927.

¹⁶ *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Современные записки. Париж, 1928. Т. 34. С. 329.

¹⁷ *Трубецкой Н.С.* Мысли об автаркии // Новая эпоха. Нарва, 1933. С. 25–26.

¹⁸ *Алексеев Н.Н.* Теория государства. Париж, 1931. С. 28–29, 35–37.

¹⁹ *Чхеидзе К.А.* События, встречи, мысли. Рукопись // Pamatnik Narodního Pismenictví. Pr., Literární Archiv. F. Scheidze. Paměti. S. 366–367.

²⁰ *Карсавин Л.П.* Феноменология революции // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 65.

²¹ Фашизм и Струве // Последние Новости. 16 апреля 1927. Защитники такого подхода имеются и в современной России. См., например: *Дугин А.* Конспирология. М., 1992; *Баков А., Дубичев В.* Цивилизация Средиземья. Екатеринбург, 1995.

²² *Чхеидзе К.А.* Национальная проблема // Евразийская хроника. Прага, 1926. № 4. С. 22–30.

²³ Евразийство (опыт систематического изложения). Париж, 1926. С. 53; Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 8. Поначалу евразийцы отвергали принцип федерализма. См.: *Садовский Я.Д.* Оппонентам евразийства // Евразийский временник. 1923. Кн. 3. С. 163.

²⁴ Евразийство (формулировка 1927 г.). С. 8. Именно этот подход характерен и для современного русского имперского национализма. См.: *Szporluk R.* Op. cit. P. 19–20.

²⁵ *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24–31. См. также: *Ильин В.Н.* О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. 1927. № 8. С. 11–15.

²⁶ См., например: *Шахматов М.* Государство Правды // Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 291; *Ильин В.Н.* Указ. раб. С. 15; *Алексеев Н.Н.* Советский федерализм // Евразийский временник. 1927. Кн. 5. С. 252, 257–258.

²⁷ *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм. С. 28. Современный западный политолог удачно назвал это явление «матрешечным национализмом». См.: *Taras R.* Conclusion: making sense of matryoshka nationalism // Nation and politics in the Soviet successor states. Cambridge, 1993.

²⁸ Об особом случае русско-украинского самосознания см.: *Трубецкой Н.С.* Ответ Д.И. Дорошенку // Евразийская хроника. 1928. № 10. С. 57.

²⁹ Кстати, это подтверждает и современный лидер коммунистов Г. Зюганов, который отождествляет советский патриотизм с евразийским национализмом. см.: *Зюганов Г.* Драма власти. М., 1993. С. 177. Нелишне отметить, что та же тенденция наблюдалась и в Югославии, где культивировался «югославизм». См.: *Djilas A.* The contested country. Yugoslav unity and communist revolution, 1919–1953. Cambridge. 1991. P. 160 ff.

³⁰ См., например: *Михалков Н.* Выбор – после выборов // Независимая газета. 20 июля 1996; *Аксючиц В.* В поисках национальной идеи // Независимая газета. 23 июля 1996.

³¹ *Алексеев Н.Н.* Советский федерализм. С. 258. См. также: *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Евразийский временник. 1923. Кн. 3.

³² *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм. С. 29.

³³ *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и Русская идея. Пг., 1922. С. 67.

³⁴ *Карсавин Л.П.* Философия истории. Берлин, 1923. С. 130.

³⁵ *Карсавин Л.П.* О педагогике // Евразийская хроника. 1926. № 4. С. 41–42.

³⁶ *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм. С. 25.

³⁷ *Савицкий П.Н.* Указ. раб. С. 12–13; *Садовский Я.Д.* Указ. раб. С. 159; *Белецкий И.С.* Евразийство // Евразийская хроника. 1925. № 1. С. 10.

³⁸ *Савицкий П.Н.* Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово. Варшава, 1926. № 8 (24 октября). С. 10–14; *Трубецкой Н.С.* К украинской проблеме // Евразийский временник. 1927. Кн. 5.

³⁹ *Трубецкой Н.С.* К украинской проблеме; *его же.* Ответ Д.И. Дорошенку.

⁴⁰ *Дорошенко Д.И.* К «украинской проблеме» // Евразийская хроника. 1926. № 10. С. 44–46.

⁴¹ *Трубецкой Н.С.* Ответ Д.И. Дорошенку. С. 54.

⁴² *Бочковский И.П.* Профессор Т.Г. Масарик об украинском вопросе // Украинская жизнь. М., 1913. № 4. С. 48, 53. Такая постановка вопроса имеет свою историю. Касаясь итогов франко-прусской войны 1870 г., Д. Штраус считал естественным, что Эльзас и Лотарингия должны войти в состав Германии в силу своей языковой специфики. Э. Ренан, напротив, подчеркивал, что при решении таких вопросов ни язык, ни расовая принадлежность, ни религия не должны учитываться, ибо, если что и имеет значение, так это мнение самого населения, которое и должно принимать решение. См.: *Seriot P.* Faut-il que les langues aient un nom? Le cas du Macedonien. 1996. Рукопись.

⁴³ *Трубецкой Н.С.* Ответ Д.И. Дорошенку. С. 55–56. Кстати, идею об определенном пороге, ниже которого нация не может быть жизнеспособной ни в хозяйственном, ни в культурном отношении, Трубецкой, безусловно, заимствовал у немецкого экономиста Фридриха Листа. См.: *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. СПб., 1891. С. 176–179, 224–225.

⁴⁴ Такой вывод естественным образом вытекал из либерального подхода к национальной проблеме, популярного на рубеже XIX–XX вв. См.: *Hobsbawm E.* Op. cit. P. 41–42. О негативной реакции украинцев на это предложение см.: *Дорошенко Д.И.* Указ. раб. С. 47–48; *Мицюк О.* Евразийство. Прага, 1930. С. 20–21. Интересно, что рассматриваемый русско-украинский спор возобновился буквально в том же виде в конце 1980-х годов. См.: *Szporluk R.* Op. cit. P. 29–31.

⁴⁵ *Трубецкой Н.С.* Ответ Д.И. Дорошенку. С. 58.

⁴⁶ *Трубецкой Н.С.* К украинской проблеме. С. 171.

⁴⁷ *Карсавин Л.П.* О педагогике. С. 42. Примечание.

⁴⁸ *Савицкий П.Н.* Великороссия и Украина... С. 14.

⁴⁹ *Дорошенко Д.И.* Указ. раб. С. 45; *Мицюк О.* Указ. раб. С. 19.

⁵⁰ *Милоков П.Н.* Указ. раб.; *Долинский О.* Культура и самоопределение народов // Вольное казачество. 1928. № 5. С. 17; *Бальков С.* О многонациональных государствах // Вольное казачество. 1932. 10 марта. № 100. С. 21.

⁵¹ См., например: *Гогуа А.* Наша тревога // Дружба народов. 1989. № 5. С. 159; *Тарнашинська Л.* Джерело премудрості Росія черпала з України // Літературна Україна. 2 липня 1992. С. 5. См. также: *Мицюк О.* Указ. раб. С. 23.

⁵² *Бицилли П.* Два лика евразийства // Современные записки. 1927. Т. 31. С. 425.

⁵³ *Алексеев Н.Н.* Советский федерализм. С. 258.

⁵⁴ *Эфрон А.* От советской демократии к имперской идее // Евразийская хроника. 1937. № 12. С. 74–76.

⁵⁵ *Карсавин Л.П.* Философия истории. С. 130.

⁵⁶ Первой жертвой отмеченного процесса стали наименее защищенные малочисленные народности Севера, незавидная участь которых со всей очевидностью свидетельствует о том, чем оборачивалось строительство «новой исторической общности» для нерусских народов страны. См., например: *Вахтин Н.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.

⁵⁷ См., например: *Замалева А.Ф., Осипов И.Д.* Русская политология: обзор основных направлений. СПб., 1994. С. 189–195.

⁵⁸ *Степун Ф.А.* Евразийский временник. 1923. Кн. 3 // *Современные записки.* 1924. Т. 21. С. 404; *Бердяев Н.А.* Евразийцы // *Путь.* Париж. 1925. № 1. С. 134; *Гессен С.И.* Евразийство // *Современные записки.* 1925. Т. 25. С. 499; *З.К. Бредовики* // *Дни.* 22 декабря 1926; *Руднев В.В.* Евразийство // *Современные записки.* 1927. Т. 30. С. 586–587; *Д.М. П.Н. Милуков* в Праге // *Последние новости.* 21 января 1927; *Интеллигенция по-евразийски* // *Последние новости,* 24 января 1927; *Фашистская «демотия»* // Там же. 17 февраля 1927; *Гурвич Г.Д.* Желтый маскарад (политическая доктрина евразийства) // Там же. 29 марта 1927; *И.П.В.* Евразийцы и фашизм // Там же. 19 апреля 1928; Ср. также: *Изгоев А.С.* Рожденное в революционной смуте (1917–1932). Париж, 1933. С. 13. О том, как тоталитарная идеология органично вытекает из философии евразийцев, в частности Н.С. Трубецкого, пишет современный швейцарский исследователь П. Серьо. См., *Seriot P. N.* Trubetzky, linguiste ou historiosophe des totalites organiques? // *N.S. Troubetzkoy.* L'Europe et l'humanite. Liege, 1996. P. 12–31.

⁵⁹ *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // *Путь.* 1927. № 8. С. 142.

⁶⁰ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 123–124, 228.

⁶¹ Там же. С. 248.

⁶² *Кара-Мурза С.* Народ через призму фашизма // *Правда.* 4 июня 1996.

⁶³ *Кара-Мурза С.* Великодержавный интернационализм // *Правда-5.* 24–31 мая 1996. С. 13.

V. A. Shnirelman. Eurasianism and the nationalities question (instead of the reply to V.V. Karlov)

The author returns to the analysis of the ideas of Eurasianists (see «EO». 1997, № 1). He pays a particular attention to the nationalities aspect of their speculations, because this issue may not be wellknown to the readers. The specifics of Eurasianism, as the author believes, consist in that it was a national-political programme, based on the doctrine of «führerism» and characterized by anti-democratism.

© 1997 г., ЭО, № 2

В.В. Карлов

О ЕВРАЗИЙСТВЕ, НАЦИОНАЛИЗМЕ И ПРИЕМАХ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ

Полемизировать с автором опубликованного текста* довольно затруднительно по причине почти полного отсутствия в нем предмета спора. Он оказался подменен чем-то иным. Чтобы объяснить свою позицию, вынужден начать с короткого напоминания сути своей статьи. Статья была вызвана моим несогласием с интерпретацией коллегой В.А. Шнирельманом теории культуры евразийцев как якобы идейного обоснования ими доктрины русского национализма. Чтобы разобраться в этом вопросе с позиций этнологической науки, которая, как и другие обществоведческие дисциплины, к сожалению, не часто обращается к сюжетам, связанным с изучением разных форм национальной рефлексии, мною была предложена определенная схема подхода к данным проблемам.

Я считаю целесообразным развести научную теорию и идеологическую доктрину как разные по своим функциям формы рефлексии. Далее, определив евразийскую

* См. статью В.А. Шнирельмана в этом номере журнала.